Александра Илларионовна Шувалова, урожденная Воронцова-Дашкова: опыт жизнеописания (1869-1959)

Antoine Nivière, Александра Илларионовна Шувалова

▶ **To cite this version:**

Antoine Nivière, Александра Илларионовна Шувалова. Александра Илларионовна Шувалова, урожденная Воронцова-Дашкова: опыт жизнеописания (1869-1959). Наше Наследие. Историко-культурный журнал., 2017. ⟨hal-02411239⟩

HAL Id: hal-02411239

https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02411239

Submitted on 14 Dec 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Antoine Nivière

Александра Илларионовна Шувалова, урожденная Воронцова-Дашкова: опыт жизнеописания [1]

Александра Илларионовна была дочерью графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова и Елизаветы Андреевны, урожденной графини Шуваловой. Родители ее принадлежали двум древним дворянским родам Российской империи, входившим в узкий круг высшей придворной аристократии. Их возвышение началось после дворцового переворота 1741 года, в результате которого на трон была возведена Елизавета Петровна и в котором представители Воронцовых и Шуваловых сыграли ключевую роль. Но заслуги родителей Александры Илларионовны и ее самой заключаются не в былых деяниях их предков, а в их поступках, жизненных и нравственных принципах, соединявших идеалы европейского просвещения и устои русской православной духовности.

Вначале нужно охарактеризовать отца Александры Илларионовны. Илларион Иванович был, без всякого сомнения, выдающейся личностью – участником многих военных кампаний, влиятельным царедворцем, государственным деятелем, одним из крупнейших землевладельцев России, имения которого находились в семи разных губерниях страны, собственником большого числа промышленных предприятий. Мать Александры Илларионовны принадлежала к младшей линии Шуваловых: была дочерью петербургского губернского предводителя дворянства графа Андрея Павловича Шувалова. По материнской линии она приходилась внучкой генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова, героя Отечественной войны 1812 года, впоследствии новороссийского генерал-губернатора и первого кавказского наместника. После безвременной смерти своих двух старших братьев Елизавета Андреевна унаследовала обширные владения Шуваловых (в том числе, дом № 10 на Моховой улице и родовое имение Парголово под Петербургом), а также от своего деда, светлейшего князя Воронцова, – майорат, включая роскошный Алупкинский дворец в Крыму. Она была женщиной властной, рачительной, всегда окруженной многочисленной родней, умело управляла своими домами и имениями. Впоследствии ее внук Иван Павлович Шувалов – тогда семи-

восьмилетний мальчик – так описывал свои впечатления от пребывания в особняке на Английской набережной: «За столом нас бывает до тридцати человек и все происходит так строго, что говорить самовольно никто не смеет, мы [то есть дети] обмениваемся только нам понятными знаками»[2].

Елизавета Андреевна осталась непререкаемым авторитетом для дочери во всех жизненных вопросах. Во время Гражданской войны овдовевшая Елизавета Андреевна уехала с дочерью за границу. Сначала она жила в Каннах, потом перебралась в Висбаден, где и умерла в 1924 году. Ее похоронили в семейной усыпальнице на русском кладбище.

Сандра – так звали Александру Илларионовну в семейном кругу – родилась 25 августа 1869 года в роскошном гомельском дворце князей Паскевичей (в Могилевской губернии, ныне в Белоруси), служившем резиденцией родной тетке графини, Ирины Ивановны Паскевич-Эриванской, единственной сестры Иллариона Ивановича. Всего в семье у Шуваловых родилось восемь детей. Сандра была старшей дочерью и вторым ребенком. Ее братьями и сестрами были Иван (1868–1897), служивший в лейб-гвардии гусарском полку и трагически погибший на охоте; Софья (1870–1953), замужем за Элимом Демидовым, князем Сан-Донато; Мария (1871–1927), замужем за графом В.В.Мусиным-Пушкиным; Ирина (1872–1959), замужем за графом Д.С.Шереметевым; Роман (1874–1893), гардемарин Морского кадетского корпуса, скоропостижно скончавшегося от тифа за полгода до производства в мичманы; Илларион (1877–1932) и Александр (1881–1938).

Детские годы Александры Илларионовны прошли заграницей: в Ментоне, Ницце, Вевэ, Меране, куда ее старшего брата Ивана отправили лечиться. В Россию она вернулась окончательно в 1877 году и с тех пор до своего венчания жила с родителями то в Царском Селе, то в Петербурге, в особняке на Английской набережной, 10, то в семейном имении в деревне Ново-Томниково Шацкого уезда Тамбовской губернии. Она получила прекрасное домашнее образование, свободно говорила по-французски, по-английски и по-немецки. Для своих детей Илларион Иванович выбирал учителей и репетиторов из самых лучших преподавателей высших учебных заведений столицы. Таким образом у Сандры педагогами были: по русской словестности А.Д.Мохначёв, о котором бывшие ученики отзывались как об «очень даровитом преподавателе» литературы, математике – И.В.Мещерский, видный ученый, крупный специалист в области теоретической и прикладной механики. С их помощью она готовилась к

экзамену за полный гимназический курс и получила с отличием диплом домашней учительницы по арифметике и географии. Александра Илларионовна много читала, интересовалась историей своего рода. Когда в 1897 году историк и археограф П.И.Бартенев закончил многотомное издание «Архивов князя Воронцова», выпуск которого начался еще в 1870 году, дополнения и правки в азбучный указатель последнего тома, а также родословие Воронцовых были специально составлены для него Александрой Илларионовной.[3]

В жизни Александры Илларионовны важнейшую роль играл отец. О нем лет десять назад вышло достоверное и пространное исследование[4], поэтому здесь мы ограничимся кратким упоминанием главных узлов его блестящей и богатой на события карьеры на службе Российской империи в царствование четырех последних государей.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков родился 27 мая 1837 года в Санкт-Петербурге. Получив домашнее образование и побыв некоторое время студентом Московского университета, он поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк и в 1858 году был произведен в корнеты. В 1859 году он отправился на Кавказскую войну и вскоре получил назначение командира конвоя главнокомандующего генерал-фельдмаршала князя А.И.Барятинского. На Кавказе он принимал деятельное участие во многих экспедициях против горцев. В 1865 году Илларион Иванович уже имел чин полковника, а в 1866 году был произведен в генерал-майоры и назначен помощником губернатора Туркестанской области. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов он командовал кавалерийским отрядом, затем был последовательно начальником гвардейской пехотной дивизии, командиром гвардейского гусарского полка, начальником штаба гвардейского корпуса.

В июне 1881 года, после восшествия на престол Александра III, граф Воронцов-Дашков был назначен начальником охраны государя и главноуправляющим Государственным коннозаводством, а через два месяца он был призван на пост министра Императорского двора и уделов, в ведение которого входило управление личным имуществом императора и членов его фамилии, заведование дворцами и организация официальных торжеств и церемоний, а также многое другое. В этой должности он ввел много нового в устроение министерства Императорского двора и реформировал хозяйственную деятельность удельного ведомства. Хорошо известны его взгляды на положение крестьян в пореформенной деревне, изложенные в записке, где он настаивал на

необходимости упразднения крестьянской общины и на создании фермерских хозяйств. В 1890 году Илларион Иванович получил звание генерал-адъютанта и чин генерала от кавалерии. В течение тринадцати лет он был одним из ближайших сотрудников Александра III и проводником национального курса в политике. Граф Воронцов-Дашков слыл человеком умеренно-консервативным, но при этом придерживался и либеральных взглядов, что и не очень нравилось государю, но, тем не менее, император сохранил дружбу с ним до самой своей смерти.

Один из сослуживцев охарактеризовал Иллариона Ивановича таким образом: «Это такая личность, о которой, сколько бы я ни сказал хорошего, все будет мало: красив, умен, и, что всего удивительнее, – при таком страшном богатстве – скромен, как красная девушка»[5]. Позднее другой сослуживец по канцелярии Совета министров, сопровождавший его в поездке по Сибири, вспоминал: «Граф Воронцов, красавец и рыцарь, отличался нравственным благородством и широтою политических взглядов»[6] .

Через три года после начала нового царствования Илларион Иванович стал жертвой придворных интриг со стороны некоторых великих князей, что и привело в 1897 году к его увольнению из министерства. После отставки Воронцов стал членом Государственного совета, но в основном вел жизнь частного лица, активно занимался благотворительностью, состоял председателем Российского общества Красного Креста, коллекционировал картины и предметы прикладного искуства[7].

В феврале 1905 г., несмотря на уже преклонный возраст (ему почти исполнилось 68 лет), он был назначен на ответственный пост наместника Кавказа (восстановленная специально для него должность), состоял он в ней до сентября 1915 года. В напряженной предреволюционной ситуации Воронцов оказался на высоте положения и твердой рукой пресек беспорядки на Кавказе, но при этом провел ряд реформ, умиротворивших край. Еще при жизни Иллариона Ивановича современники отмечали, что его авторитет на Кавказе был таким неоспоримым, что за весь период его наместничества на него не было предпринято ни одного покушения; в течение всего этого времени он спокойно ездил по улицам Тифлиса в коляске и верхом. Выйдя в отставку, он через шесть месяцев тихо скончался в присутствии своей супруги и старшей дочери; случилось это в час ночи, 15 января 1916 года в Воронцовском дворце в Алупке. Согласно его духовному завещанию,

его похоронили в родовом имении в селе Ново-Томниково при построенной им Благовещенской церкви.

Смерть Иллариона Ивановича оказалась для Сандры тяжелым ударом. Она горячо любила отца и «любовь эта была взаимной на протяжени всей их жизни»[8] . Это были не только естественные чувства между отцом и дочерью, но и настоящая дружба и взаимопонимание между двумя людьми, которых связывали общие взгляды и одинаковое восприятие мира. В их переписке она его называла «моим Стариком», «Пуськой», а он звал ее «моей Старухой». Как и отец, Александра отличалась честностью, хозяйственными способностями, ответственностью за порученное дело. Поэтому она рано смогла принять на себя обязанности по управлению усадьбой в Ново-Томникове в отсутствие родителей. Она закупала продукты, оплачивала счета, общалась с прислугой и давал нужные указания и распоряжения. Сидеть без дел ей не приходилось. В 17-летнем возрасте она писала из Ново-Томникова подружке в Петербург: «У меня решительно не было времени в Петербурге, да и тут была очень занята хозяйством»[9]. В другом письме она сообщает: «Мы наготовили всяких вещей для Папá: наливку из земляники, варенья из крыжовника, маринованных белых грибов, пока все удалось, не знаю, выйдут ли также хорошие и наши другие работы по хозяйству».[10] Словом, Сандра была погружена в настоящую русскую жизнь, которая, по меткому замечанию И.А.Бунина, «скромна-то только с виду, а на деле обильна»[11].

С конца 1860-х годов возникли прочные и искренние дружеские отношения между Илларионом Ивановичем и наследником великим князем Александром Александровичем (будущим императиором Александром III). Такие же отношения сложились и между их супругами – Елизаветой Андреевной и Марией Федоровной. После покушения на особу императора 1 марта 1881 года Илларион Иванович стал советником нового государя, постоянным партнером в карточной игре и неизменным участником царской охоты. В доме Воронцовых император и императрица бывали часто, и не в качестве императорской четы, а приватно. Благодаря такой близости родителей к императору Александру III, дети Воронцовых-Дашковых оказались в числе близких друзей детей императорской фамилии, в том числе великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II), тем более что все они были близкими сверстниками. Их связывали общие светские развлечения, совместные завтраки и вечеринки, прогулки и катания на катке, спектакли и балы. Как видно из воспоминаний,

Сандра была особенно близка с сестрой последнего царя, великой княгиней Ксенией Александровной. Их дружба продолжалась всю жизнь. В эмиграции они постоянно переписывались. Из других членов императорской семьи воронцовские дети дружили с ветвью Михайловичей, потомками младшего сына императора Николая I.

Вместе они составляли узкую дружескую компанию, так сказать, «тайное» общество, которому они шутливо дали название «картофельного кружка», потому что (как полагают некоторые исследователи[12]) одной из любимых летних забав компании во главе с Николаем Александровичем было приготовление картошки на костре. Однако интересно отметить, что в своих воспомнинаниях Александра Илларионовна дает другую версию происхождения этого названия[13].

В зрелом возрасте все молодые Воронцовы-Дашковы заняли достойное место при дворе. В частности, достигшим совершеннолетия девочкам присваивалось звание фрейлины царственной особы. 9 апреля 1889 года Александра Илларионовна была определена фрейлиной к императрице Марии Федоровне. В этом почетном звании она оставалась недолго, так как замужество непременно вело к потере должности фрейлины.

В двадцать лет Александра Илларионовна вышла замуж. Женихом ее стал представитель старшей линии рода Шуваловых, граф Павел Павлович. Его родители были выходцами из знатнейших петербургских фамилий: отец, Павел Андреевич Шувалов, был дипломатом, военачальником, варшавским генерал-губернатором; мать, Ольга Эсперовна Белосельская-Белозерская (1838–1869), слыла одной из первых петербургских красавиц и позировала модным портретистам В.И.Гау и Ф.К.Винтерхальтеру, она рано умерла в тридцатилетнем возрасте, когда Павлу только исполнилось десять лет.

Со своим будушим мужем Александра была знакома с детства: она приходилась ему четвероюродной сестрой. Он бывал в доме Воронцовых, посещал их в Ново-Томникове: одно из его имений располагалось в 75 верстах от Томникова в селе Меньшие Можары Рязанской губернии.

Молодой Шувалов интересовался конским заводом и лесными посадками, хотел у себя в Можарах создать такое же образцовое хозяйство, как у Иллариона Ивановича. С этой целью он впервые приехал в Ново-Томниково в 1886 году и тогда начал присматриваться к Александре Илларионовне. Четыре года спустя, в феврале 1890 года, они были помолвлены. В семье Воронцовых и Шуваловых благосклонно отнеслись к этому сватовству. В очередной раз было суждено

сплеслись двум аристократическим родам в лице молодых и полных надежд их представителей.

Венчание состоялось в воскресенье, 8 апреля 1890 года, в домовой церкви особняка Воронцовых-Дашковых на Английской набережной. Служба совершалась в присутствии императора с супругой и остальных членов императорской фамилии. Первым поручителем (шафером) у Александры Илларионовны был цесаревич Николай Александрович, как следует из сохранившейся в семейных архивах копии выписки из метрических книг Исаакиевского собора, к которому была приписана домовая церковь Воронцовых.

В своем дневнике статс-секретарь А.А.Половцов так описывает торжественную свадьбу в присущей ему саркастической манере: «(Невеста) не красива, но мила во всех отношениях, он, по слухам, черств и себе на уме. Торжество происходит с особенною пышностью вследствие присутствия их величеств и всей царствующей фамилии. Толпа приглашенных шатается по гостиным, громко болтая во время свадебной церемонии…»[14] .

Брак Александры Илларионовны был удачным, но, сообщая о назначении графа в Москву адъютантом к великому князю Сергею Александровичу, Половцов связывал это с желанием Шувалова «быть подальше от своей тещи»[15] , слывшей женщиной властной и авторитарной. В семье Шуваловых Александра быстро стала своим человеком, «большинство из них совершенно хорошие люди, они так добры, хороши и сердечны по отношению ко мне. Ты можешь быть спокоен за мою судьбу, милый мой. И радоваться моему счастью» [16], – писала она отцу несколько лет спустя после свадьбы.

Касаясь характеристических черт свекра Сандры, Павла Андреевича Шувалова, современники отмечают, что в обществе он был известен как человек светский и то, что называется «себе на уме». О нем, в частности, С.Ю.Витте писал, что он имеет «русский характер» и «хитрость поляка», так как его мать, Фекла Игнатьевна Валентинович, была полька[17]. Статс-секретарь А.А.Половцов рисует портрет человека «с обычною внешнею простотою и чрезвычайною в действительности хитростью»[18]. В определенной степени муж Александры Илларионовны унаследовал от своего отца те же самые качества. В этом мнении сходится его долголетний друг и товарищ по служебной карьере Владимир Федорович Джунковский, отмечавший, что Павел Павлович Шувалов был «очень умен и не без хитрости»[19]. Но Джунковский при этом обращал внимание на важную позитивную роль, которую играла Александра Илларионовна в жизни

своего мужа: «Его жена была на редкость очаровательная женщина, умная, образованная, имевшая отличное влияние на мужа»[20]. Под недостатком в поведении Джунковский, наверное, имеет в виду надменность, которую некоторые гвардейские офицеры и придворные приписывали молодому Шувалову. Об этом намекает в своем дневнике А.А. Половцов: «Он, *по слухам*, черств и себе на уме»[21], хотя сам статс-секретарь, познакомившись лично с Павлом Павловичем на приеме у его отца, отзывается о нем как об «очень милом юноше»[22]. Действительно, П.П.Шувалова характеризовала скромность и щедрость в благотворительных поступках, которую он не выставлял на показ. В частности, он часто давал в долг без расписки и никогда не напоминал о нем, поэтому многие не возвращали ему деньги.

Павел Павлович (Пальчик, как его звали родные) был на 10 дет старше Александры Илларионовны. Он родился 19 мая 1859 года в Царском Селе. Получив образование в Пажеском корпусе, в 1877 году он держал дополнительный экзамен при Михайловском артиллерийском училище и вступил в армию. Но военную карьеру начал он не в престижном полку преображенцев или конногвардейцев, в которых обычно состояли члены рода Шуваловых, а прапорщиком в более скромной 24-й артиллерийской бригаде. Это был его свободный выбор: он не хотел получать незаслуженные льготы и поблажки. Прапорщиком он отправился на русско-турецкую войну. В мае 1878 года он был переведен в гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду. В это время завязалась его дружба с детьми великого князя Михаила Николаевича, особенно с Михаилом и Сергеем Михайловичами. Выслужив чин капитана, в 1891 году Павел Павлович был назначен личным адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича по ходатайству самого великого князя. Семейство Шуваловых переехало в Москву. Три года спустя Павел занял должность управляющего двором Сергея Александровича и его супруги великой княгины Елизаветы Феодоровны. Между семейством Шуваловых и великокняжеской четой установились близкие отношения.

Но они были вскоре омрачены «ходынской катастрофой». Эту печальную историю подробно освещает Александра Илларионовна в своих воспоминаниях, об этом писала и ее сестра Софья Демидова[23]. Две мемуаристки сходятся в изложении трагичесих событий и в оценке их невольных участников. Как известно, в дни коронации Николая II в Москве, 18 мая 1896 года, произошла трагедия. Ходынское поле стало местом кровавой давки, в результате которой

погибло больше тысячи человек (точное количество не известно). Великий князь Сергей Александрович, будучи столичным генерал-губернатором и ответственным за обеспечение безопасности во время торжеств, старался свалить всю вину за происшедшее на ведавшего церемониальной частью коронации министра двора Воронцова-Дашкова. Но, по свидетельствам многих близких к правительственным и придворным кругам людей, в том числе двух дочерей Иллариона Ивановича, последний не мог нести ответственности за это событие. Возник неотвратимый раздор между великим князем и министром двора, а такая неприязнь, конечно, не преминула отразиться и на Шуваловых, положение которых при Сергее Александровиче становилось все более сложным. Во избежание дальнейших неприятностей Павел Павлович решил просить отставки от должности заведующего двором великого князя; его просьбу удовлетворили. Этому способствовала еще одна причина: отца Шувалова разбил паралич, и его лечение заграницей требовало присутствия сына. Ходынская история завершилась в 1897 году увольнением Воронцова-Дашкова с поста министра двора, несмотря на то, что расследование правительственной комиссии показало его невиновность в этом деле.

Александра Илларионовна остро реагировала на несправедливость, допущенную по отношению к отцу и отразившуюся на карьере мужа. В течение некоторого времени ее отношения с великокняжеской четой были натянутыми, но позже – незадолго до убийства Сергея Александровича – недоразумения рассеялись, и все примирились.

По возвращении в Россию в конце 1896 года Павел Павлович перешел из военного ведомства в Министерство внутренних дел и был назначен штаб-офицером для особых поручений с производством в полковники. С этого дня он полностью погрузился в административные дела, связанные с охраной правопорядка. Через полтора года, в феврале 1898-го, он стал исполняющим должность одесского градоначальника, а в апреле 1902 года был произведен в генерал-майоры и утвержден в этой должности. Его пятилетняя деятельность совпала с активизацией забастовочного движения и массовыми беспорядками в стране. Одесса была одним из самых беспокойных городов империи. По инициативе Павла Шувалова в городе было увеличено число кадровых полицейских. Но для водворения порядка молодой градоначальник полагался не только на административные меры: будучи умелым оратором и практичным государственным служащим, граф Шувалов своими публичными выступлениями

и другими действиями смог укротить революционные настроения. Однажды он умирил группу распропагандированных студентов университета и предотвратил готовившуюся ими забастовку; в другой раз он остановил еврейский погром, усмирив бешеную толпу; накануне приезда в Одессу министра внутренних дел В.К.Плеве он вызвал к себе всех неблагонадежных лиц, и, показав список, содержавший их фамилии, заявил, что ему велено заблаговременно арестовать их, но сам он категорически против подобных действий, однако он доводит до их сведения, что если с Плеве что-то случится, то им придется отвечать перед градоначальником. Такой смелый поступок оказался вполне действенным: министра тогда не тронули.

Конечно, Павел Павлович был убежденный монархист, но мнение некоторых историков о том, что он был «сторонником жесткой линии в отношении экстремистского крыла демократического движения»[24], как нам кажется, преувеличено. Например, он не согласился с проектом начальника Особого отдела департамента полиции С.В.Зубатова, предлагавшего создать под контролем охранки трудовые организации, призванные отвлечь рабочих от политической борьбы против монархического строя. Отказавшись проводить в жизнь этот проект в Одессе, Шувалов подал прошение о переводе его на другую должность.

Много энергии и мужества проявил Павел Павлович во время двух эпидемий чумы, вспыхнувших в Одессе в сентябре 1901 года и повторно осенью 1902 года. По его поручению были организованы отряды дезинфекторов, которые за две недели осмотрели и подвергли обработке помещения и квартиры в подозрительных районах[25]. Он посещал заболевших чумой, ходил по городу, наблюдая за мерами по предотвращению заразы. Когда Общество призрения неимущих и помощи нуждающимся возбудило вопрос о строительстве нового приюта, Павел Павлович активно поддержал идею и оказал содействие этому проекту, который был завершен уже после его отъезда из города. В день открытия нового приюта было решено присвоить этому учреждению имя Шувалова. Когда в 1903 году семейство Шуваловых покидало Одессу, обоих супругов избрали пожизненно почетными членами попечительства о детских приютах[26].

В марте 1903 года Павел Шувалов уехал с семьей в двухмесячный отпуск за границу. Дома он был человеком другого склада: превосходно играл на рояле, баловал детей, шутил с ними и рассказывал анекдоты, оказывал внимание постоянно недомогавшей супруге, ухаживал за больным отцом. После его смерти

старшая дочь Сета писала: «Когда я думаю о нем, он мне представляется в двух видах: Папá – неустрашимый, исполненный чувства долга, герой, погибший за отечество; и Папá – милый, добрый, играющий с нами, интересующийся нашими занятиями»[27].

В Одессу Шувалов вернулся 20 апреля, но лишь для того, чтобы уладить дела, связанные со своим отъездом в Санкт-Петербург, к новому месту службы, где он начал служить генералом для особых поручений при министре внутренних дел. Он выполнял разные ответственные миссии. В частности, осенью 1904 года его командировали в Баку по случаю возникшей там холеры. В декабре того же года его вновь отправили в Ереван для борьбы против очередной эпидемии чумы.

С 1903-го по весну 1905 года семейство Шуваловых жило зимой в Санкт-Петербурге на Французской набережной (современная набережная Кутузова) в доме № 28, а летом на мызе Вартемяги, расположенной на берегах реки Охты, в 20 км к северу от Петербурга по тогдашней Кексгольмской дороге. Мыза Вартемяги считалась родовым имением Шуваловых с XVIII века, и вся семья была привязана к этой усадьбе, по внешности довольно скромной, с ее двумя деревянными барскими небольшими домами, но устроенной среди великолепного лесного парка, состоявшего из хвойных деревьев с несколькими озерами[28].

Вскоре после убийства московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, Павел Шувалов получил новую должность: 18 апреля 1905 года он стал градоначальником Первопрестольной. На этом посту он сменил Евгения Волкова, уволенного после убийства великого князя. Положение было тревожное: по России прокатилась волна террора и революционных волнений; в Москве нужно было поддержать порядок. В правительственных кругах считали, что граф Шувалов может применить свой одесский опыт в Москве. Перед отъездом из Петербурга он знал почти наверняка, что его ожидала неминуемая смерть. Павел Павлович прибыл в древнюю столицу 30 апреля и немедля приступил к своим новым обязанностям. И сразу же он стал получать анонимные письма, в которых ему угрожали убийством, если он не оставит свой пост.

По отзывам современников, новый московский градоначальник активно принялся наводить порядок: проводил аресты среди мятежников и революционно настроенных элементов, начал кадровые чистки в полицейском руководстве, совершал ночные рейды с целью проверки несения постовой службы, требовал от участковых приставов относиться «доброжелательным образом» ко всем лицам, обращающимся к полицейским властям. «Полицейская власть только тогда

окажется на высоте своего положения, когда обыватели будут прибегать к ней охотно и с полным доверием», – писал он в приказе, опубликованном 21 июня 1905 года, за неделю до своей трагической смерти[29].

На своем посту граф Павел Шувалов оставался совсем недолго, всего два месяца. 28 июня (11 июля) 1905 года, во время приема посетителей в доме градоначальника на Тверском бульваре, в 1 час 45 минут пополудни он был смертельно ранен тремя выстрелами в упор из револьвера членом организации эсеров П.А.Куликовским[30]. Павел Павлович скончался через час, не приходя в сознание.

Трагическая смерть мужа стала сильнейшим ударом для Александры Илларионовны, оставшейся вдовой в 35 лет. У нее было семеро детей, и она ожидала восьмого, который должен был родиться через несколько месяцев. Из Москвы она писала отцу, в то время находящемуся в Тифлисе: «Нет того, с которым жизнь моя была светла и ясна. Ты скажешь, что он невидимо со мной и молится за меня и детей; я не только знаю это, но и постоянно чувствую. Но ведь милый, любимый — я никогда его не увижу в этой жизни…»[31]. На двух панихидах, отслуженных в Москве над телом погибшего в самый день кончины, присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна, незадолго до этого также потерявшая супруга, погибшего от бомбы террориста Каляева.

Павел Павлович был захоронен в Вартемяги, в специально построенной часовне-усыпальнице при Софийской церкви.

У Павла Павловича и Александры Илларионовны было восемь детей: четверо мальчиков и четыре девочки. Перечислим их, начиная от старших к младшим: Павел (Павлик) (4.2.1891, СПб. – 22.10.1919, в бою под Царским Селом), женился в 1918 г. на абхазской княжне Ефросинье Шервашидзе (1891–1919); Елизавета (Сета) (11.3.1892, Москва – 18.1.1975, Нортамптом, США); Александра (Ася) (8 окт. 1893, Вартемяги – 7.2.1968, Бользано, Италия), в замужестве графиня Вяземская, во втором браке графиня Ферзен; Мария (Мая) (10.9.1894, Берлин – 16.6.1973, Оксфорд, Великобритания), в первом браке замужем за князем Д.А.Оболенским, во втором за графом А.Д.Толстым; Николай (Николаша) (1896–1914); Ольга (25.4.1902, Одесса. Херсонская губерния – 1.2.1992, Швейцария), в замужестве за Серафимом Алексеевичем Родионовым; Иван (15.9.1903, Вартемяги – 28.10.1980, Нэий-сюр-Сен, Франция), женат первым браком на Марии Артемьевне Болдыревой, вторым браком на княжне Марине Петровне Мещерской; Петр (28.8.1905, Вартемяги – 30.5.1978, Кармель, США),

женат первым браком на Елене Борисовне Татищевой, вторым браком на Дарии Федоровне Шаляпиной, дочери известного оперного певца Федора Шаляпина. Последний сын родился уже после трагической гибели отца.

В 1906 году по настоянию врачей Александра Илларионовна уехала с детьми отдыхать в санаторий во Франции, а после окончания курса лечения они отправились в Италию. По возвращении в Россию она жила в Санкт-Петербурге – сначала у родителей в доме на Английской набережной, а с 1910 года в квартире дома № 6 на Кирочной улице, позже в доме № 10 на Большой Морской улице.

Постепенно Александра справлялась с горем. В 1908 году, после смерти своего свекра – Павла Андреевича Шувалова, она стала владелицей Вартемяг и взяла на себя заботы об имении, о местной церкви и школе при ней. Старшие дети начали устраиваться в жизни: окончив Пажеский корпус, Павлик учился в университете и работал помощником предводителя петербургского уезда, Николай поступил в Императорский Царскосельский Александровский лицей, Сета и Ася стали фрейлинами при императрице (первая в 1910 году, вторая в 1912 году), младшие дети продолжали домашнее образование и готовились к гимназии. Их иногда возили в Царское Село, чтобы они могли пообщаться с другими детьми. «Всю дорогу наследник сидел в розвальнях спиной к кучеру и смотрел на наши игры и озорство, несколько раз порываясь участвовать…. Было грустно и жутко, мы любили его; он был ласковый, всегда обнимал и целовал на прощание, спрашивал, скоро ли увидимся, и сердился, когда мы ему говорили: “Ваше высочество” – “Меня зовут Алексей”»[32].

В начале 1910-х годов Александра Илларионовна вернулась в светское общество, принимала приглашения, ходила на спектакли и мероприятия всякого рода. Как и раньше, она много читала, увлекалась историей, следила за политическими и общественными событиями. Она предчувствовала надвигающуюся беду: «Время такое скверное у нас в России – все как-то забыли Бога, забыли любовь к ближнему. Все дурное вышло наружу, и зло властвует над всем, да и умы помрачились у всех», – писала она отцу на Кавказ, по возвращению из путешествия заграницу[33].

Подобно своим родителям Александра Илларионовна активно занималась благотворительностью. После смерти мужа она стала председательницей Общества призрения детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей. Она также входила в руководство центрального комитета Общества помощи бедным, состоявшего под покровительством императрицы Марии

Федоровны. Чувство сострадания к нуждающимся она старалась прививать и своим детям.

Внезапно началась Первая мировая война. Отправляются на фронт старшие сыновья Александры Илларионовны – сначала Николай, затем Павел. И сразу постигает ее новое горе. В самом начале войны, 6 (19) августа 1914 года, на третий день наступления лейб-гаврдейской кавалерийской дивизии в Восточной Пруссии, Николаша, волноопределяющийся прапорщик кавалергардского полка и крестник императора Николая II, был смертельно ранен в бою под Каушеном[34] . Ему было всего 18 лет. За проявленную храбрость на поле брани Николай Шувалов был посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в унтер-офицеры. Благодаря стараниям матери его тело было привезено в Вартемяги и похоронено рядом с могилой отца в усыпальнице близ Софийской церкви.

Другой сын – Павел – не подлежал военному призыву из-за искалеченной в детстве ноги. По рассказу его сестры Елизаветы, он повредил себе ногу, когда они играли вдвоем на летстнице барского дома в Вартемягах. Пришлось его оперировать в семилетнем возрасте, и нога его осталась навсегда в железной шине. После гибели брата Николая, несмотря на инвалидность, Павлик решил поступить в действующую армию. В 1915 году он был принят добровольцем без врачебного осмотра и прошел всю кампанию Великой войны, сначала в войсках связи при 15-м Сибирском стрелковом полку, а затем в конно-разведывательной команде. Как и брат, он тоже получил знаки отличия за мужество и храбрость, проявленные в боях против неприятеля: на Австро-Венгерском фронте в 1915 году (Георгиевский крест 4-й степени) и на Кавказском фронте в 1916 году (Георгиевский крест 3-й степени). В марте 1917 г., уже после падения царского режима, он в чине прапорщика был переведен в 150-й пехотный Таманский полк, стоявший весной 1917 г. на Западной Двине, близ Двинска (современный Даугавпилс).

Александра Илларионовна отдала все свои силы и способности на оказание помощи раненым воинам. Всю войну она принимала участие в переправке раненых с фронта в тыл вместе со старшими дочерьми Сетой и Асей. С 1915 года она возглавляла сформированный из врачей и частных сестер милосердия 18-й передовой отряд Красного Креста, который обслуживал 2-ю гвардейскую пехотную дивизию. «Сколько раненных офицеров и солдат было жертвенной помощью графини, врачей, сестер милосердия и санитаров буквально спасено от

смерти и от плена», – писал о ней Д.Ходнев в некрологе, опубликованном в парижской газете «Русская мысль»[35]. Об одном из таких случаев рассказывается в воспоминаниях командира лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майора барона Клодта. В бою под Куликом 19–20 июля 1915 года, благодаря распорядительности Александры Илларионовны и самоотверженной деятельности всех членов ее отряда, были подобраны под огнем неприятеля и вывезены все раненые с поля брани. «Эвакуация была затруднительна. В этом деле большую помощь оказал передовой отряд Красного Креста графини Александры Илларионовны Шуваловой, приславший свои двуколки с персоналом и забравший всех остававшихся раненых уже после отхода полка», – писал барон Клодт[36]. Всего 88 тяжело раненных солдат было спасено в этот день.

За свою деятельность на фронте графиня была награждена Георгиевской медалью всех четырех степеней, которой удостаивались медицинские работники. Императрица Александра Фёдоровна писала Николаю II: «У неё четыре георгиевские медали, и так странно видеть их на нарядном платье»[37].

Осенью 1915 года Сандра оставила отряд по просьбе Илариона Ивановича и переехала с ним в Алупку. В январе 1916 года она находилась при умирающем отце. После его кончины она некоторое время оставалась с матерью, чтобы поддержать её. Но вскоре Александра Илларионовна снова отправилась на фронт в Галицию и возобновила с прежним усердием свою работу в отряде Красного Креста. Февральскую революцию она встретила в окопах. Как только ей стало известно о беспорядках в столице, она сразу же выехала со старшей дочерью Елизаветой в мятежный Петроград, где проживали ее младшие дети. По дороге, где-то под Киевом, она узнала об отречении государя. Трагические события в столице не миновали и ее семью. 2 марта был смертельно ранен шальной пулей у Варшавского вокзала муж ее дочери Аси (Александры), князь Дмитрий Вяземский, пытавшийся уговорить мятежных солдат лейб-гвардии Павловского полка вернуться в казармы[38]. В тот же самый день, супруг ее золовки – графини Феклы Павловны Штакельберг (дочери графа П.А.Шувалова) – генерал граф Густав Эрнестович Штакельберг тоже был убит матросами рядом со своим домом на Миллионой улице, 16[39].

При Временном правительстве Александра Илларионовна вместе с младшими детьми покидает Петроград и перебирается в Москву. Там их застает Октябрьское вооруженное восстание; из окон своей квартиры они наблюдают за разгулом революционной стихии: уличными беспорядками и сражениями между

юнкерами и рабочими-красноармейцами. «Непохожая на прежнюю жизнь, чужая жизнь проникла в наш дом <…> Так наступили холода почти без угля и электричества, люди падали на тротуарах от изнеможения, стояли хвосты перед лавками, постоянно встречались арестованные под конвоем», – писал много лет спустя Иван Павлович Шувалов об этих первых месяцах большевистского правления[40]. Положение в городе становится все тревожнее, поэтому семья переселяется в деревню: сначала в село Вешняки Московского уезда, затем в село Коренево того же уезда. «Не сговариваясь, вся семья наша и похожие на нее другие семьи начали покидать насиженные места и, не зная точно куда, с уверенностью перелетных птиц, потянули на юг», – вспоминал Иван Шувалов[41].

В сентябре 1918 года Александра Илларионовна получила разрешение на отъезд из Москвы. Она отправилась на юг с тремя детьми – Ольгой, Иваном и Петром: в Крым через Гомель (последнее свидание с тетей Паскевич) и Киев. Они чудом добрались до Алупки, где уже нашла убежище Ирина Илларионовна Шереметева со своей семьей. Вскоре Сета присоединилась к ним. В апреле 1919 года британское правительство послало военные корабли, чтобы вывезти из России членов императорской семьи, оказавшихся после революции в Крыму. Вдовствующая императрица Мария Федоровна согласилась покинуть русский берег только при условии, что одновременно с ней будут эвакуированы все преданные ей люди, желавшие уехать с Крымского полуострова. На одном из таких кораблей выехали Александра и Ирина Илларионовны со своими детьми. Сначала они оказались в Константинополе, а дальше перебрались в Грецию, к сестре Софии Илларионовне, супруге русского посла в Афинах Э.П.Демидова. «Рано утром мы погрузились на крейсер, серые громобои союзников, направляя щупальцы пушек на Севастополь, сторожили бухту» [42], – такой видел в последний раз свою отчизну Иван Павлович Шувалов перед отъездом из Крыма.

В России остался только Павел Павлович Шувалов – Павлик, который уже весной 1917 года стал членом тайной офицерской организации, созданной генералом Петром Николаевичем Врангелем в Петрограде. В июле 1917 года вместе с Врангелем он посетил генерала Лавра Георгиевича Корнилова в местечке Коломыя в Галиции и стал курьером организации между Петроградом и ставкой Корнилова[43]. В 1918 году он находился в Финляндии и дважды ездил секретным курьером в Петроград, откуда привозил ценные сведения. Он вывез также в Финляндию княгиню Палей (Ольгу фон Пистолькорс, урожденную Карпович), морганатическую супругу убитого большевиками великого князя Павла

Александровича[44]. В Гражданскую войну Павлик воевал на Северо-Западном фронте в команде разведчиков Добровольческой армии генерала от инфантерии Н.Н.Юденича. К августу 1919 года он, уже поручик, состоял адъютантом командира Талабского полка генерала Б.С.Пермикина.

Во время осеннего похода армии Н.Н.Юденича на Петроград, 21 октября 1919 года, когда шли упорные сражения с красноармейцами, Павлик Шувалов был тяжело ранен осколком шрапнели в живот в бою у деревни Перелесино, расположенной на дороге между Царским Селом и Гатчиной. «Была бы спасена Россия…», – простонал он перед тем, как потерять сознание. Не приходя в себя, он скончался через день. Прах его был погребен 23 октября возле Свято-Павловского собора в Гатчине. По отзыву сослуживцев, Павел Павлович был «совершенный рыцарь, благородный, всегда готовый на самопожертвование. Он оставил по себе самые лучшие воспоминания у всех его знавших, так как врагов у него не было»[45]. А.И.Куприн посвятил героической гибели Павлика Шувалова небольшой рассказ, опубликованный в эмиграции в начале 1930-х годов[46]. Приказом № 288 по Северо-Западной армии от 25 октября 1919 года прапорщик Шувалов был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Место его захоронения долгое время оставалось безымянным. Новый памятник на могиле П.П.Шувалова и его товарища подпоручика Георгия Львовича Навроцкого был установлен в ограде Свято-Павловского собора недавно, в сентябре 2016 года, иждивением руководителей Санкт-Петербургского Митрофаниевского союза и журнала «Михайлов день» (Ямбург).

Смерть Павлика глубоко опечалила всю семью и многих знавших его, судя по многочисленным письмам, которые были присланы по этому поводу его матери[47]. В это время Александра Илларионовна находилась далеко – на передовой линии южного фронта Гражданской войны. О трагической смерти второго сына она узнала в бывшем имении князя Святополка-Мирского «Гиевке» станицы Люботин, близ Харькова, из депеш дипломатических представителей, которые пересылали ей из Афин Демидовы[48]. Эта трагическая весть была, может быть, самым страшным потрясением в ее жизни, тем более, что в эти дни она была совсем одна, без теплой любви других своих детей и родных. Александра Илларионовна решила вернуться в Россию, чтобы найти свою мать и братьев и вывезти их из страны, охваченной красным террором. Елизавета Андреевна, нашедшая осенью 1918 года убежище на даче Воронцовых-Дашковых в Ессентуках, была арестована большевиками и каким-то чудом спасена отрядом

белых войск. Разными окольными путями 73-летней графине удалось добраться до Алупки[49]. Путь самой Александры по южным территориям Гражданской войны оказался сложным и запутанным. Восстановить ее маршрут можно по печатям и записям местных властей в ее сохранившемся паспорте, а также по переписке с сестрой Софкой и детьми: Одесса, Екатеринодар, Харьков, Ростов-на-Дону, Таганрог, Новороссийск. Получив визу от английских военных властей, в начале 1920 года Александра Илларионовна вместе с матерью и семейством брата Илариона Илларионовича покинула родную страну, на сей раз уже безвозвратно.

В Афинах она оставалась год с лишним; младшие дети продолжали образование в иностранных школах, все принимали участие в общественной жизни русской эмигрантской общины при местной русской церкви и российском посольстве. Потом они отправились дальше: сначала в Германию, затем во Францию.

Так начался эмигрантский период в жизни Александры Илларионовны, о котором она ничего не рассказывает в своих воспоминаниях, ведь это была участь всех своих родственников. Да и что тут скажешь? Разве жалобы могли помочь чему-то? Можно было лишь помнить и вспоминать.

Со временем пришлось примириться с мыслями о долгих годах пребывания в изгнании. Заграницей от прежнего огромного семейного состояния мало что оставалось. Пришлось скромно устроиться на чужбине. Сначала Александра Илларионовна жила в маленькой квартирке в центре Парижа, потом в юго-восточном пригороде – Исси-ле-Мулино.

Несмотря на материальные затруднения, Александра Илларионовна активно занималась благотворительной деятельностью и помогала детям из семей беженцев. В 1920–1930-х годах ее талант организатора был востребован в среде русской эмиграции во Франции: она устраивает чаепития, балы и киносеансы в пользу разных общественных учреждений, больниц и приютов, летних детских лагерей, отдельных безработных и неимущих. Распущенное советским правительством Российское общество Красного Креста было восстановлено за рубежом в 1920 году, и Александра Илларионовна вскоре была избрана членом главного правления, а с 1931 года возглавляла созданный при нем комитет помощи турберкулезным больным, тяжелое состояние которых она близко принимала к сердцу: «Более десяти лет сотни тысяч русских выброшены на чужбину. С каждым годом увеличивается число больных туберкулезом. Мы начали собирать средства для создания русской санатории. <…> Но, пока мы

создадим санаторию, болезнь не ждет, люди гибнут и нам нужны большия средства для размешения по французским санаториям и на текущую помощь. Не стесняйтесь размером–пожертвований»[50], – писала она в воззвании от имени возглавляемого ею комитета.

В 1945 году она была избрана товарищем председателя Главного управления Российского общества Красного Креста, а в 1948 году стала его председателем. В последние годы жизни она была занята изысканием средств, необходимых для постройки дома для престарелых русских эмигрантов, нуждающихся в присмотре и постоянной врачебной помощи. Благодаря ее энергии, авторитету и личным связям этот дом принял своих первых насельников в предместье Шелль близ Парижа весной 1959 года, за несколько недель до смерти Александры Илларионовны.

Помимо своей деятельности в правлении Красного Креста, Александра Илларионовна участвовала в работе других общественных и благотворительных организаций: в качестве почетного председателя Комитета помощи русским больным и Союза русских военных инвалидов, члена Союза ревнителей памяти императора Николая II, члена Союза русского дворянства, члена правления Российского музыкального общества за границей (с 1934 года), члена Общества помощи русским беженцам (в 1930-е годы), товарища председателя правления Центра помощи русским больным (с 1945 года).

Еще в детстве Александра Илларионовна получила религиозное воспитание и не мыслила свою жизнь вне Православной церкви. На чужбине она активно участвовала в сложной церковно-общественной жизни русской эмиграции. Она также интересовалась художественной жизнью эмиграции, в частности, поддерживала живописца и скульптора Дмитрия Семеновича Стеллецкого, с которым познакомилась в то время, когда художник выполнял росписи и иконостас в храме Сергиевского подворья в Париже, и после его отъезда на юг Франции она переписывалась с ним. Некоторые его письма и работы – иконы, скульптура, графика и картины – сохранились у ее внучки.

Александра Илларионовна тихо скончалась в своей квартире в Исси-ле-Мулино на 90-м году жизни 11 июля (по старому стилю 28 июня) 1959 года, то есть ровно 54 года спустя после смерти мужа. Этот длинный жизненный путь был ознаменован тремя трагическими утратами, но Александра Илларионовна принимала свой жизненный крест без ропота, и часто говорила: «Мне хочется доказать, что крепость духа у меня есть и что я не согнулась под тяжестью моего

креста… Я рада, что Бог дал мне таких сыновей… Могу гордиться своими детьми»[51].

Ее отпевание было совершено в Свято-Александро-Невском соборе в Париже в присутствие всех оставшихся в живых ее детей, кроме Петра, который проживал в Америке. Ее похоронили на русском кладбище Сент-Женевьёв-де-Буа. «Светлый ясный ум, широта взглядов, доброе отзывчивое сердце, врожденный такт – умение “обходится” с людьми – и блестящая память, которыми Господь наградил ее и которые она сохранила до самых последних дней земной жизни – привлекали и покоряли всех ее знавших», – писал о ней Сергей Воейков в парижской эмигрантской газете «Русское Воскресение»[52].

Антуан Нивьер
доктор филолологических наук,
профессор Государственного университета Лотарингии
(Франция)

---

[1] Текст опубликован в журнале «Наше Наследие», Москва, 2017, № 124. С. 58–66.
[2] *Шувалов И.П.* Хлеб и молоко. Париж: « Сета », 1973. С. 80.
[3] Роспись сорока книгам архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имен / *ред. П. И. Бартенев.* М.: Университетская типография, 1897, 240 стр. Следует заметить, что издание «Росписи» вышло в ограниченном количестве (425 экземпляров). Оно не устарело и по сей день.
[4] *Исмаил-Заде Д.И.* И.И.Воронцов-Дашков, кавказский наместник. Серия «Россия забытая и неизвестная». М.: Центрполиграф, 2005.
[5] *Александрова Е.Л.* Парголово – Parkala. СПб.: Ингерманландия, 2013. С. 61.
[6] Там же.
[7] См. *Столбова Е.И.* Собрание И.И. и Е.А. Воронцовых-Дашковых // Воронцовы – два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Выпуск 19 / *Ред.-сост. В.Н. Алексеев*. Орехово-Зуево, 2016. С. 151–165.
[8] *Журавина Т.Г.* Дворянское гнездо. Санкт-Петербург, Английская набережная, 10. СПб.: Политехника, 2002. С. 146.
[9] Письмо Александры Илларионовны от 30 мая 1886. Копия. Личный архив А.И.Шуваловой, Париж.
[10] Там же.
[11] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева // Избранные сочинения. Москва: Олма-Пресс, 2003. С. 74.
[12] См. *Журавина Т.Г.* Указ. соч. С. 174.
[13] Александра Илларионовна рассказывает, как в тамбовском имении Воронцовых-Дашковых однажды гостили великие князья Александр и Сергей Михайловичи. Как-то, обогнав по пути крестьянина на телеге, они спросили, не видел ли он двух людей на лошадях, на что крестьянин ответил, что видел, и добавил: «Они по картофелю стреляют». Вернувшись в Петербург, Михайловичи рассказали эту историю Ксении Александровне и ее брату Николаю, и с тех пор все собрания молодежной компании проходили под знаменем «картофеля».
[14] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2005. С. 291.
[15] Там же. С. 292.
[16] Цит. по: *Журавиной Т.Г.* Указ. соч. С. 151.
[17] *Витте С.Ю.* Воспоминания. т. 1. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 342.
[18] *Половцов А.А*. Указ. соч. Т. 2. С. 76.
[19] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / *Под ред. А. Л. Паниной*. Т. 1. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997. С. 119.

[20] Там же.
[21] *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 291.
[22] Там же. Т. 1. С. 155.
[23] Отрывки из воспоминаний С.И.Демидовой, в том числе ее рассказ о «ходынской катастрофе», были опубликованы историком С.П.Мельгуновым в журнале «Голос минувшего» (№ 1, 1923). К сожалению, полный текст воспоминаний, основанных на дневниковых записях, пропал, и выяснить его местонахождение пока не удалось.
[24] *Шаханов А.* Московские градоначальники // Московский журнал. 2006. № 6.
[25] Согласно сведениям из журнала «Нива» (1902. № 44).
[26] См. *Михальченко В.* Жизнь нуждается в милосердии. К истории Шуваловского приюта // Одессий альманах. Одесса, 2012. Кн. 51. С. 72.
[27] Личный архив А.И.Шуваловой, Париж.
[28] Краткую историю и описание имения Вартемяги см.: *Мурашова Н.В., Мыслина Л.П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии: Всеволожский район. 2-е изд. СПб.: Алаборг, 2011. С. 203–218.
[29] Цит. по: *Руга Вл.* и *Кокорев А.* Московский городовой, или Очерки уличной жизни. М.: Астрель, 2012. С. XXX.
[30] За совершенное убийство П.А.Куликовский был приговорен к смертной казни, но впоследствии, согласно поданному Александрой Илларионовной прошению, он был по высочайшему решению помилован. Он отбывал 15-летнюю каторгу. В годы Гражданской войны он примкнул к антибольшевистским силам в Восточной Сибири, где и умер в 1923 году.
[31] Цит. по: *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 191.
[32] *Шувалов И.П.* Указ. соч. С. 82, 88.
[33] Цит. по: *Журавина Т.Г.* Указ. соч. С. 155.
[34] У Каушена русская кавалерия натолкнулась на немецкую бригаду, попав под плотный артиллерийский обстрел. Героизм русских солдат и офицеров заставил немецкие войска отступить, однако из-за потерь отступила и русская кавалерия, несмотря на то, что командиру конногвардейского эскадрона барону П.Н.Врангелю удалось успешно атаковать противника и захватить батарею с орудием. Бой под Каушеном получил широкую известность в России, поскольку его участниками (и погибшими) были выходцы из известных дворянских семей. Около 100 гвардейцев были убиты, почти 300 ранены.
[35] *Ходнев Д.* Светлой памяти графини А.И. Шуваловой // Русская Мысль. Париж. 1960. 6 февраля. № 1483. С. 5.
[36] «Финляндец». 1935. № . С. 15.
[37] Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. М.-Пг., 1923. Т. 3. С. 476.
[38] *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж: ИМКА-Пресс, 1984. С. 185.
[39] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 100–101.
[40] *Шувалов И.П.* Указ. соч. С. 144.
[41] Там же. С. 145.
[42] Там же. С. 147.
[43] Воспоминания генерала Врангеля: Корниловские дни // Возрождение. Париж. 1928. 27 июля. № 1151. С. 2.
[44] Свое бегство из Петрограда княгиня Палей описывает в кн.: *Princess Paley*. Memories of Russia (1916–1919). L.: Herbert Jenkins Limited, 1924. P. 301 and others. (Русск. перев.: *Княгиня Ольга Палей.* Воспоминания о России. М.: Захаров, 2005.)
[45] *Пермикин Б.С.* Из записок 1912–1959 гг. / *ред.- сост. С.Г. Зирин*. М.: Посев, 2011. С.106.
[46] *Куприн А.И.* Павлик Шувалов // Служба связи Ливенцев и северо-западников. Париж. 1930. Май. № 2. С. 7–9 (переизд. в журнале «Белая Гвардия». 2003. № 7. С. 162).
[47] Эти письма Александра Илларионовна бережно хранила всю жизнь (Личный архив А.И.Шуваловой, Париж).
[48] Письма детей Шуваловых и Софии Демидовой из Афин в Россию сохранились у внучки Александры Илларионовны (там же).
[49] См.: Под колесами красного террора. Записки Анны Ильиничны Воронцовой-Дашковой / *публ. и вступл. А.И. Воронцова-Дашкова* // Родина. 2002. № 7. С. 83–87.
[50] Письмо графини А.И. Шуваловой // Возрождение. Париж. 1929. 24 октября. № 1605. С. 4.
[51] Цит. по: *Журавина Т.Г.* Указ. соч. С. 160, 161.
[52] *Воейков С.* Светлой памяти графини А.И. Шуваловой // Русское Воскресение. Национально-государственная надпартийная газета. Париж. 1959. 25 июля. № 17. С. 4.